

К 175-летию со дня рождения А. И. Герцена

По страницам новых томов «Литературного наследства»

В 1985 году в издательстве «Наука» вышел в свет том «Литературного наследства», озаглавленный «Герцен и Запад». Сейчас готовится к печати том «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей» (в двух книгах).

По нашей просьбе об этой фундаментальной работе, в которой наряду с советскими учеными принимают участие и зарубежные исследователи, рассказывает член редакционной коллегии «Литературного наследства», доктор филологических наук С. А. Макашин, являющийся вместе с Л. Р. Ланским редактором названных томов.

БЛИЗИТСЯ завершение «герцено-огаревской» серии «Литературного наследства» — самой обширной (наряду с «толстовской») персональной серии этого известного издания. Таков один из наиболее примечательных итогов многолетнего собрания и всестороннего изучения документов, относящихся к жизни и деятельности автора «Былого и дум», и его великого творческого наследия. В девяти книгах (а это примерно шесть с половиной тысяч страниц) впервые было и еще будет опубликовано и откомментировано несколько тысяч неизвестных ранее творческих рукописей и писем Герцена и Огарева, а также документальных свидетельств о них.

В «Литературной газете» (от 14 сентября 1983 г.) уже рассказывалось о значительном архиве Герцена и Огарева, о его драматической судьбе и долгом, сложном пути — в подлинниках и копиях — на родину издателей «Колокола».

Напомним, что оставшееся после смерти Герцена и Огарева огромное документальное наследие хранилось сначала у старших детей Герцена, но затем распалось на отдельные коллекции. Некоторые из них погибли или пока не разысканы, но большинство уцелело и поступило в национальные архивы ряда стран Западной Европы, а также в США.

Еще в годы своей швейцарской эмиграции, думая о будущей революции, В. И. Ленин говорил М. С. Ольминскому о необходимости, когда придет для этого время, собрать воедино заграничный архив Герцена и Огарева и полностью издать его.

Это время пришло после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и освобождения Европы от власти фашистской Германии. В сложившихся новых исторических условиях «Литературное наследство» взялось за разыскание, а затем и публикацию по полученным материалам всех сохранившихся коллекций распыленного архива. По большому или настоящему местонахождению эти коллекции получили названия: «пражская», «сфийская», «первая парижская», «нью-йоркская», «амстердамская», «женевская» и «вторая парижская». Материалы первых четырех коллекций были изданы «Литературным наследством» в 1953—1958 годах и заняли четыре тома.

Документальный фонд вышедшего недавно тома «Герцен и Запад» состоит преимущественно из материалов «амстердамской», «женевской» и «второй парижской» коллекций, а также из материалов, находящихся в Шведской королевской библиотеке в Стокгольме. «Герцен и Запад» — одна из главных проблем всей идейной биографии и деятельности автора «Былого и дум», чья мировоззренческая сформировалась и развивалась под влиянием взаимодействующих русских и западноевропейских факторов. Проблемы этой в контексте всей истории раннего русского социализма и ранних русских поисков революционного пути касались многие авторы начиная с Плеханова. Но большинство суждений о западноевропейских влияниях на идейное развитие Герцена основывалось на ограниченных, разрозненных и главным образом русских источниках, прежде всего на высказываниях самого Герцена в «Былом и дум» и в других сочинениях. В томе «Герцен и Запад» эта проблема впервые рассматривается специально, разносторонне, с широким привлечением многочисленных неизвестных ранее документальных текстов.

В первом разделе тома печатаются переписки Герцена с иностранными деятелями. Это серия публикаций, каждая из которых объединяет корреспондентов одной национальности. Англия представлена именами Т. Карлейля и Дж. Коуэна, Германия — Ф. Фрейлигера и К. Фогта, Италия — Дж. Мацини и Ф. Орсини, Франция — А. Блана, В. Гюго, П. Ж. Прудона, США (но это в другом разделе) — Ч. Г. Ливенда и др. Публикации сопровождаются статьями, в которых дается общая характеристика взаимоотношений Герцена с той или иной национальной культурой (публикаторы и авторы статей — М. Вильгельм, И. Желвакова, А. Замгильский, М. Кало, М. Ковальская, Н. Колпинский, М. Кун, Л. Ланский, М. Парtridge, В. Поспелова, Л. Северская, З. Смирнова, С. Стеллинг-Мишо, В. Фомичев). В свою очередь, всей серии этих публикаций предпослана обобщаю-

щая статья А. Володина «Герцен и Запад». Анализируя ту роль, которую сыграл западноевропейский опыт в разработке Герценом проблемы социализма и революции, ученый убедительно показывает, что критическое отношение Герцена к Западу не было отношением нигилистическим и что нет оснований для истолкования «русского социализма» Герцена в идеологическом контексте русского национализма и панславизма, как это до сих пор делается в некоторых зарубежных исследованиях.

В разделе «Из истории русской революционной эмиграции» публикуются материалы о польском восстании 1863 года и отношении к нему Герцена, Огарева и Бакунина, а затем — открытое письмо Бакунина Герцену по славянскому вопросу. Здесь же впервые в едином комплексе воспроизводятся все главные документы, относящиеся к так называемой «немецкой» истории 1870 года. Особый интерес представляет полная публикация обширного письма Бакунина к Нечаеву, остро критического, позволяющего увидеть и понять подлинные причины разрыва Бакунина с Нечаевым. (Публикации С. Гурвич-Лицинера, С. Житомирской, Н. Пирумовой и Е. Рудницкой.)

Широко документированное монографическое исследование С. Житомирской посвящено истории возникновения и дальнейшей судьбе архива Герцена и Огарева. В томе помещен и ряд других материалов, освещающих отдельные эпизоды жизни Герцена в эмиграции. Сюда относятся, в частности, сообщение о некоторых источниках информации Герцена о Марксе и Энгельсе (автор В. Смирнова).

Многочисленные документальные публикации, статьи, сообщения и комментарии тома «Герцен и Запад» вносят существенный вклад в изучение как идейной биографии и деятельности Герцена, так и истории русского революционного движения, особенно его международного аспекта. В. И. Ленин писал: «Благодаря вынужденной царизмом эмиграции Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной сведомостью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире». У истоков этого явления выходящего исторического значения находился Герцен.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ том серии «Литературного наследства», посвященный издателю «Колокола», — «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей», который сейчас редактируется, также построен в основном на архивных материалах заграничных собраний. Но ряд публикуемых рукописей принадлежит советским архивам. Как это видно из названий, преимущественно содержание тома — биографическое. Большинство воспроизведенных документов — письма. Но начинаются том публикации двух вновь найденных творческих рукописей Герцена.

Первая рукопись — черновая авторская статья «Дилетанты и цех ученых» (публикации А. Володина и С. Житомирской). Это третья глава из цикла известной работы Герцена начала 1840-х годов «Дилетантизм в науке». Рукопись интересна тем, что позволяет увидеть, как именно вырабатывалась философская позиция Герцена — «дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом» (В. И. Ленин), какие трудности он испытывал в поисках наиболее определенных и ясных для него самого формулировок. Рукопись позволяет также взглянуть проследить, как складывалась герценовская концепция науки — «живого организма», под воздействием которого «развивается истина», и уточнить, в чем, по Герцену, отличие подлинных ученых от ремесленников в науке. Последние являются «учеными» лишь по званию, по диплому, а на самом деле «это чиновники, служащие идее, это бюрократия науки, ее писцы, столончатники, регистраторы». Герцен разъясняет о важности сближения науки с массами, подчеркивает необходимость внедрения философии в жизнь. Во главе этого процесса идут те «образованные люди», «люди жизни», оказывающим огромное влияние на общество, не только ученых, но и писателей. Герцен назвал среди них в тексте, который был извлечен им в «Отечественных записках» в 1842 году, Байрона, Вальтера Скотта, Вольтера, Руссо. Рукопись содержит весьма примечательное продолжение этого перечня: «Пушкин, Жуковский, Кرامзин, Державин».

Видимо, страница с этими именами выпала при наборе случайным. Надо ли говорить, сколь важна она для осмысления взгляда Герцена на русскую литературу?!

Вторая рукопись, хранящаяся ныне в Амстердаме, содержит знаменитый рассказ из «Былого и дум» — пережитой Герценом семейной драмы (публикации И. Птушкиной). В академическом собрании сочинений Герцена эти главы напечатаны по весьма несовершенному списку, поскольку местонахождение автографа оставалось тогда неизвестным. Теперь важнейшая часть «Былого и дум» предстает перед читателем в своем подлинном виде. Устранено около трехсот разного рода искажений. Воспроизводятся все варианты авторской рукописи. Иные из них позволяют проследить, как эпизоды личной драмы писателя преобразовались под его пером в художественные образы большой обобщающей силы. Именно об этих впервые публикуемых по автографу главах И. С. Тургенев отозвался: «...все это написано огнем, слезами и кровью»; «Так писать умел он один из русских».

МОГУЩЕСТВО МЫСЛИ

Большую часть тома «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей» составляют, как говорилось, биографические материалы. Личность и жизнь Герцена не менее интересны и поучительны, чем его творчество. Создатель «Былого и дум», одно из величайших мемуарных произведений русской и мировой литературы, он и в другие сочинения вводил самого себя, свое бытие, свои взгляды — бытие и взгляды носителя идей русской освободительной борьбы и участника международного революционного движения. «Я решительно хочу», — писал Герцен, — «в каждом сочинении моем видеть отдельную часть жизни души моей...» Этой проблематике посвящена статья А. Гинзбург «Автобиографическое в творчестве Герцена».

Многочисленные письма сгруппированы по доминирующей принадлежности авторам или адресатам: Герцен, Огарев, Наталья Александровна Герцен, Н. А. Тучкова-Огарева, дети Герцена — Александр, Тата, Ольга, Лиза, друзья — семья Асраховых, М. Рейхель, М. Мейзенбург, Т. Пассек, В. Энгельсон. Вместе со статьями и комментариями переписка образует своего рода портретную галерею людей, самых близких Герцену и Огареву, их спутников и соратников.

В том печатаются более шестидесяти писем самого Герцена. Некоторые из них (к разным адресатам) представляются отдельными публикациями, другие входят в более или менее обширные эпистолярные серии. Таковы, например, 17 писем и приписок Герцена из вновь найденной части архива Асраховых, московских друзей Герцена и Огарева (публикации И. Желваковой).

Дружеские письма Герцена к М. Рейхель (публикации Н. Эйделмана) дают возможность непосредственно почувствовать трудные настроения Герцена после пережитых им трагических событий — гибели матери и сына при кораблекрушении, семейной драмы и смерти жены. В одном из писем 1852 года читаем эти равные, взволнованные строки: «А ведь как по временам страшно обертывается... как пусто... иногда в сне... Да вот сегодня ночью вижу, что я еду в дорогу, и все тут, и Луиза Ивановна хлопчет, — проснувшись, становится страшнее...» «Пусто?». Как на гербе у Стурдзю. «Жил!»... Какая безответственность у смерти!... Ну, прощайте!».

Вот слова из письма, относящегося к началу 1853 года: «...я собираюсь переменить русскую формулу «Новым годом, с новым счастьем» на другую, поумнее: «с Новым годом, с старыми воспоминаниями». Какие новые счастья — откуда, как и чем же теперь нашего брата удивить... Как доживешь до известного перекрестка в жизни, так и забирай направо и забирай...»

Весьма интересные сведения о Герцене содержатся в переписке его отца И. А. Яковлева 1836—1837 годов с военным историком, генерал-лейтенантом, адъютантом М. И. Кутузова в кампании 1812 года А. И. Михайловским-Данилевским, находившимся в близких отношениях с тогдашним шефом жандармов и начальником III отделения А. Х. Бенкендорфом. Содержание этой переписки (публикации А. Тартаковского) сводится к двум сюжетам: хлопотам Яковлева об освобождении Герцена из ссылки и истории написания по просьбе Михайловского-Данилевского мемуарной Записки о свидании и разговоре Яковлева с Наполеоном в Кремле в 1812 году. Мы получаем драгоценный источник, с одной стороны, непосредственно для пополнения биографии Герцена, с другой — для комментирования (и корректировки) тех страниц «Былого и дум», которые посвящены отцу Герцена и его разговору с Наполеоном.

Вот первое из публикуемых писем И. А. Яковлева к А. И. Михайловскому-Данилевскому. Как и другие, оно пронизано любовью, нежностью и заботой

о Герцена (в письме он именуется «воспитанником», поскольку по понятиям и терминологии того времени был «незаконно-рожденным»).

Милостивый государь Александр Иванович!

Издавая доброе расположение ваше превосходительства к брату моему Льву Алексеевичу и многократные доказательства ласки вашей ко мне лично, к тому же, заметив и готовность вашу, по мере возможности, быть полезным и облагать себя подобно: вот что служит поводом к следующей и усердной моей к вам просьбе.

Воспитанник мой титулярный советник Александр Герцен, служивший в Москве, в дворцовой конторе, молодой человек, одаренный умственными качествами, отличившийся блестящими успехами в науках, за что, так как и за похвальное поведение, награжден заимчиво и посетителем ученого здесь общества; два года тому назад был взят из дому моего и повернут в заточение, в коем находился девять месяцев, был отправлен на службу в Пермь, а от-туда переведен на службу в Вятку, где уже другой год и теперь находится при таком же гражданском губернаторе.

При преклонных моих летах и беспредельном болельном состоянии имел я в воспитаннике сем не только единственное утешение, но и занятие, ибо он со дня его рождения был у меня без отлучки, под надзором моим воспитан в Законе Божием и напитан пламенным усердием был верным и полезным слугою государя императора.

Неизвестно мне, почему воспитанник мой был от меня удален, но, открывено сказать вам, милостивый государь, должен, что он не только не изобличил в каком-либо предосудительном действии, но по доброты и вопросам ему не было сделано, из чего я замечать могу что мы различим с ним почти два года по какому-нибудь недоразумению.

Находясь в таком горестном положении, прибегая я именно к предстательству графа Александра Христофоровича, прося его повернуть меня к стопам государя императора со всеподданнейшею моею просьбою о возвращении ко мне моего воспитанника, дабы я, в последние дни моей жизни еще его увидели и чтобы он продолжал здесь служение под моим надзором. Но не имея на сие мое прошение никакого отзыва, не знаю, дошло ли оно до его сиятельства.

В тексте сохраняется орфография и пунктуация подлинника.

Зная, что вашему превосходительству не чужды чувства родительские, тем с большим доверием обращаюсь к вам с покорнейшею моею просьбою, то есть, узнать, получил ли его сиятельство мое письмо, а затем, где и насколько возможно, содействовать к удовлетворению моего прошения. Надеюсь, что во всяком случае, вы, милостивый государь, извините мою нескромность, в рассуждении причины, коя меня к тому побуждает.

С истинным почитанием и преданностью, честь имею пребыть вашего превосходительства покорнейшим слугою Иван Яковлев.

Мая 18-го дня 1836-го года.

В публикации И. Пороха приводится документ, относящийся к эпохе посещения в Англию в конце 1850-х — начале 1860-х годов издателем «Колокола» русскими панониками. У Герцена и Огарева побывали многие, но свидетельства встреч и бесед оставили далеко не все.

М. П. Тиммерман, живший и служивший в Перми офицер в отставке, пишет своему другу В. И. Полибину, капитану в Инспекторском департаменте, Тиммерман посетил Герцена во второй половине сентября 1861 года вместе с Э. В. Европеусом (женой петрашевца А. И. Европеуса) и Е. С. Толмачевой (женой председателя Пермской казенной палаты). Вот это письмо-рассказ.

Милый Владимир Иванович!

Письмо это послано к мадам Европеус, которая, совершив с нами путешествие в Англию, возвращается в Россию. В Англии мы провели полторы недели, из которых три дня были у Герцена в Торкаве и Девоншире, а остальные дни в Лондоне в среде русских изгнанников. Личность Огарева напомнила мне вас своим тихим, задумчивым смехом. Три дня, прожитые в Торкаве, останутся долго в моей памяти, таких дней немного в жизни: все эти дни с одинаковой силой утра до утра часовыми мы были с Герценом; его разговор увлекателен, сам он человек с сильной, непреклонной волей, это одна из тех личностей, которая поведет массу за собой, его душевная речь увлечет всех, вселяется пристально в его портрет, он очень похож, я узнал его по портрету, когда он встретил нас на дераккадере, и умиляет, что такие люди не останавливаются ни перед кем. Огарев более симпатичен, как говорит моя спутница, и с ним я согласен, но энергии и воли бесспорно более в Герцене. Один будит думать, делать выводы, другой будит действовать, они контраст, но их обоих нельзя не любить.

Герцен был рад нашему посещению, не потому только, что мы русские, но потому только, что наш приезд был данью уважения к нему, нет он нас полюбил за то, что мы есть. Мой разговор с ним чрезвычайно характеристичен, в нем Герцен высказалась весь. Разговор, конечно, был о России, я высказал из каких элементов состоит наше общество. «Нет, нет», — сказал он, — я не верю, не хочу верить». Это был порыв человека, сознающего истинность другого, но упорно отстаивающего свое убеждение. Мне было грустно за Герцена: тогда я только понял автора «С того берега»; он не противоречит себе, он просто двойственен; в кабинете мыслителя, а не человека страстно любящего родину, верующий в ее блестящее будущее, он нам подарил книги на прощанье и меня крепко, крепко обнял. Я не забуду этих дней. У Огарева в Лондоне была все русский кружок, все печальное, все жаждущее возвращения на родину. Через несколько минут мы были со всеми ими как со старыми хорошими знакомыми. Ответ обо всем этом я отдам при свидании...

В публикации А. Замгильского и С. Гидеви Мейзенбург, воспитательницы дочери Герцена Ольги, автора «Мемуаров идеалистки», обращенных к французскому писателю и критику Андре Сюарсу. По-видимому, он уже тогда думал о серии литературных портретов, в которую намеревался ввести и зарисовку Герцена. Отвечая Сюарсу, Мейзенбург говорит: «Я сама давно уже собираюсь о нем <Герцен> писать. Его слишком уж предают забвению, а он был слишком крупной личностью, чтоб это допустить. И ныне, кроме меня, почти никого нет, кто мог бы написать о нем, ибо свидетелей его личной жизни теперь уже не осталось; Тургенев собирался сделать это, но смерть помешала ему. Не уверена, удастся ли мне написать о нем нынешней зимой, но Вам я, со своей стороны, охотно помогу сделать это во Франции. Ваше суждение о нем превосходно. Это был единственный из деятелей 48-го года, кое-что понявший и кое-чем научившийся от событий, и он не боялся отделяться от благородных иллюзий, как только перед ним явилась истина. Именно за это Бакунин, оставшийся таким, каким был в сибирских льдах, возмущался им и под конец совершенно от него отделился».

39 писем жены Герцена Натальи Александровны (публикации В. Зиминной) исчерпывают все известные на сегодня ее письма к нему. Они относятся к 1840—1851 годам, охватывая 11 лет их семейной жизни, складывавшейся поначалу так счастливо, а завершившейся столь драматически. Письма 1846 года существенны тем, что воссоздают картину взаимоотношений в московском кружке Герцена — накануне отъезда Герцена из России. Письма Натальи Александровны к мужу от июня — июля 1851 года, написанные во время их разлуки, вызванной высилкой Герцена из Ниццы, дают возможность услышать ее голос в те дни, когда еще не завершилась семейная драма, но возникли надежды на ее прекращение, в дни, предшествовавшие их «второму венчанию» в Турине. До сих пор была известна только краткая характеристика этих писем на страницах «Былого и дум»; «Письма Натальи были покойны, на душе будто становилось легче». Всего девять слов. Публикуемые теперь письма позволяют узнать, что стояло за этими словами.

Нужно заметить, что Герцен высоко ставил эпистолярные способности Натальи Александровны, еще в 1838 году говорил об «огромности» ее таланта писателя. Глубокой внутренней силой и достоинством, позитивностью и простотой проникнуты письма Н. А. Герцен не только к мужу, но также к детям, Огареву и др. (публикации Ю. Богомоловой и И. Рудой).

В личной жизни Герцена огромную роль играли его дети, особенно старшая, любимая дочь Тата. Незадолго до своей кончины Герцен назвал ее в письме к Тургеневу «самым светлым и прекрасным существом из всей семьи». «Ты мой Петр, — писал он ей, — на котором созижду храм мой...»

До сих пор о характере и взглядах Таты можно было судить лишь по подобным признаниям и характеристикам Герцена да по самому строю его писем к ней, затрагивающих главные «вопросы жизни». Теперь 94 письма Таты к Герцену (публикации С. Гурвич-Лицинера) вступают к письмам Герцена в живой многолетний диалог, продолжавшийся с 1852 по 1869 год и становившийся с годами все более серьезным и значительным. На наших глазах идет процесс созревания «сильного характера», формируются художественные вкусы, углубляется мировоззрение незаурядного человека, все развитие все эти годы определялось мощным воздействием личности и взглядов Герцена. В томе печатаются также страницы из «Дневника» Таты (публикации Н. Пирумовой). Они относятся к драматической истории увлечения ею слепого музыканта, графа Пеннзи. Он был разносторонне образован, богат. Помимо музыки, занимался естественными науками, переводил на итальянский Герцена и Тургенева. Но у Таты он не вызывал симпатий. «Все в нем преувеличено, — писала она отцу, — горячий кровожадный сицилианец». Когда Пеннзи убедился, что его притязания на женитьбу отвергнуты, он написал Тате и ее брату Александру дерзкие и угрожающие письма. Тата тут же сказала брату: «Это Гервер». Герверное потрясение поставило ее на грань психического заболевания. Все это подорвало и здоровье Герцена.

Не меньший интерес представляет серия из 28 писем Герцена ко второй дочери — Ольге (публикации А. Замгильского и С. Гурвич-Лицинера). Они охватывают период с 1863 по 1869 год. Здесь своеобразно отразилась напряженная духовная атмосфера жизни Герцена 1860-х годов, атмосфера рушащихся исторических ожиданий, личных связей и вместе с тем рождения новых надежд. Усиливается тревожное ощущение опасности, какую несет детям утрата духовной общности в семье, угроза отрыва от национальной демократической традиции. После смерти матери Ольга жила вне семьи под опекой немки И. Мейзенбург. Вовлекая ее в круг собственных интересов, творчества, гуманистических идеалов означало для Герцена удержать в ее сознании ощущение родной почвы, передать ей нравственные ценности передовой русской интеллигенции. Чтобы овладеть богатствами отечественной культуры, нужно серьезно заниматься русским языком, изучать прошлое и настоящее России (иначе «целый мир, совершенно новый <...> имеющий необычное будущее», останется для тебя «сокрытым, как и для большинства западных людей»). Так же неустанно стремится Герцен преодолеть дочь от барских замашек, поддерживает ее порывы к серьезной работе, к овладению «началами, основами» наук — они «дают устойчивость и большую свободу».

Значительное место по содержанию и объему занимает в томе раздел, посвященный сыну Герцена Александру (публикации А. Матюшенко, И. Рудой и др.).

Существенные сведения о Герцене в последний период его жизни содержится в 17 письмах к нему его второй жены Н. А. Тучковой-Огаревой (публикации С. Гурвич-Лицинера). Почти все они написаны за границей после сближения в 1857 году с Герценом и осложнения семейных отношений. Мы можем ощутить каждодневное давление той «душистой-желтой» психологической атмосферы, которая окружала Герцена в последние тридцать лет его жизни. Эти письма позволяют в полной мере осознать, какая сила духа была необходима, чтобы изо дня в день преодолевать душевный мрак, «глухую боль в груди». Драматический диалог Натальи Александровны и Герцена — диалог людей во многом полярных взглядов и полярного мировосприятия. Личность также безусловно назурядная по силе и напряженности страсти, Наталья Александровна — «вся обращена на личное». Минутельность, недолговечность, отсутствие веры в самое жизнь искажали любое ее доброе устремление, отнесшая общественное на периферию индивидуального, интимного.

Значительную часть тома занимают материалы, связанные с Огаревым. Помимо нескольких его творческих рукописей, в частности сцен из домашнего быта «Бедлам» и «Паштюрта», печатаются много его писем и писем к нему. Но и здесь так или иначе присутствует Герцен.

БЛИЖАЩЕЕСЯ завершение «герцено-огаревской» серии томов «Литературного наследства», а также «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена» и давно уже законченное научное собрание его сочинений создали глубокий и прочный фундамент для всестороннего изучения жизни и деятельности издателя «Колокола». Но следует признать, что за пределами узкого круга специалистов Герцена (не говоря уж об Огареве) и нас знают мало. На начавшемся этапе духовно-нравственного возрождения общества мы естественно обращаемся к неугасающим маякам нашего исторического прошлого. При этом чаще других называются имена Достоевского и Толстого и почти никогда имена Герцена, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, хотя последние, уступая первым в художественной силе, были не менее великими моралистами, к тому же моралистами социальными, свободными от воздействия религиозного сознания, ничуть, однако, не отвергавшими значения личного нравственного самосовершенствования.

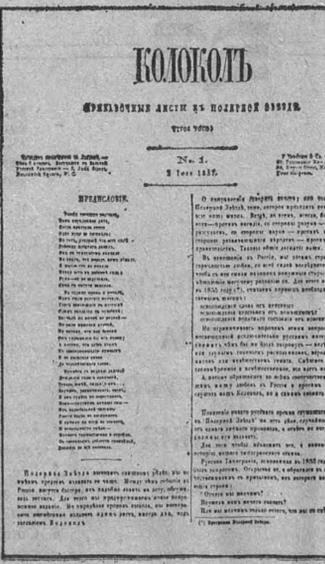
Могущество критической и «построющей» мысли Герцена, огромность духовных ценностей, заключенных в его сочинениях, письмах и в самой жизни и деятельности издателя, требуют «извлечения» из академических изданий и монографий этих богатств, «обширничая» их. Разве не современному звучат такие, например, слова Герцена: «Нам особенно противны журналы и писатели, возвущившие войну, толкавшие в нее народы. Повели бы мы всех этих кабинетных любителей баталлий, военных столкновений, атак и отступлений на поле сражения — пожалуй, после битвы, — чтоб они ознакомились с чудовищем, которому казды чернилами».

Серьезная, талантливая популяризация Герцена, как и других великих русских писателей-демократов и социалистов, — одна из важных задач, стоящих перед писателями, литературоведами, историками,

С. МАКАШИН,
доктор филологических наук

Первый номер журнала «Полярная звезда» 1855 г.

Первый номер газеты «Колокол», 1857 г.